

43-102

6858
M

ФЕДОТ ОРЛОВ
Герой Советского Союза

**ЛЮБЛЮ Я
СВОЮ РОДИНУ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧАССР
Чебоксары—1943

Никогда меня не покидает эта мысль. И во время короткого отдыха после выполнения боевых заданий, и в полете на своем мощном четырехмоторном самолете, даже в самые критические моменты моей летной жизни искрой вспыхивает эта мысль: кем бы я был, если не революция, если не советская власть? Это она мне дала такие могучие крылья, каких не имеет орел. Спрашиваю себя об этом, и перед моими глазами встает прошлое.

Я родился в 1913 году в деревне Мало-Ямаши, входящей в Багилшский сельсовет Советского района Чувашской республики. Сын самого бедного человека в деревне — отца я не знал. Он умер, когда я был еще младенцем. Выпала мне доля расти без ласки. Детство мое было тяжелое; был я подпаском, собирал милостыню. Обиная пороги домов, обошел я все окрестные деревни, расположенные около гористых Чиганар и многие другие места. Горек хлеб подавания. Ни от кого не слышал я приветливого слова. В протянутую мою руку, высохшую от голода, кто добрее положит ломоть хлеба или горячую картофелину. А как часто, только завидев нас, подходящих к их дому, хозяева захлопывали

окна. Я был совсем маленьким, поэтому ходил поводырем слепой Ульяны из деревни Ямашево. Идешь, бывало, увидишь богатый дом, кажется, что там что-то вкусное едят. Вероятно, так оно и было, кто знает... Окна богатого дома высоки. Не увидишь, что там творится. Жалобным голосом попросишь кусочек хлеба, а тебя либо обругают, либо отворив окно, вместо хлеба кинут камень, а то спустят с цепи злую собаку и натравят.

Никогда не забуду, как с дядей Егором вдвоем пасли мы стадо. Выйдешь в поле весной, как только подсохнет земля, а вернешься в дом лишь осенью, по первому снегу. Особенно тяжело приходилось мне летом: день долг, ночь коротка. С раннего утра до позднего вечера бегаешь за скотиной. За ночь не успеешь отдохнуть, как снова утро, снова впереди долгий утомительный день. Бежишь по росистому лугу, собирая скотину, болят в кровь разбитые босые ноги. Выходит солнце. Когда золотые лучи его касаются ямашских полей, я перекидываю через плечо длинный кнут и выгоняю стадо в поле... Утром всегда появлялось желание долго жить. Мир блестит красотой. В вышине заливается жаворонок. Откуда-то издалека доносятся вскрики дергача. Большим человеком крепко ступаешь по земле. Но около тебя нет никого, с кем ты мог бы поделиться своими мыслями, мечтами. Ты один. Только скотина как-будто понимает тебя, сочувствует сиротскому горю. Взглянешь вврех.

Там, на огромной высоте свободно парит кричат, расправив широкие крылья.

Возникало тогда страстное желание стать птицей и далеко-далеко полететь в поисках счастья. Где же оно? Почему нет у меня крыльев? В то время такие крылья, какие я имею сейчас, мне и во сне не снились.

Вспоминаю юные годы. Как ни трудно мне это давалось, я все же аккуратно посещал школу — и в дождь и в мороз. Страстно хотелось учиться. В темные осенние вечера я читал, освещая страницы книги слабым светом мигалки. За окном звенит песня, широко и буйно заливается гармонь. Деревенская молодежь песней, веселой частушкой скрашивает скуку осеннего вечера. И меня тянет туда — на улицу, вместе со всеми петь, смеяться. Временами это желание пересиливает тягу к книге. Читаешь, а мысли на улице. Юность, кровь играет. Прочтешь страницу несколько раз — ничего не поймешь. Сожмешь крепче зубы, начнешь усиленно читать, успокоив себя, что, дескать, и на нашей улице будет праздник...

Родина с материнской чуткостью отнеслась к сироте. Она взростила меня и человеком сделала, бедному чувашскому мальчику открыла широкую и светлую дорогу в жизнь.

Люблю я свою родину, свой чувашский народ, свою родную деревню, воспитавших меня учителей, своих школьных товарищей. От всего серд-

ца я люблю Советскую власть, Сталинскую Конституцию, отца и учителя,—родного Сталина. Советская власть меня вырастила и дала мне могучие крылья. Сирота, в прошлом—подпасок, сын бедного темного чувашина — сейчас командир-летчик, Герой Советского Союза.

8 лет я летаю на самолете. Много видел я за эти 8 лет. Приходилось драться с врагом у озера Хасан, пришлось повоевать у Халхин-Гола. Воевал с белофиннами. Где только не пришлось мне побывать на своем самолете. От моря до моря лежит мой путь—путь советского летчика. Был в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии. Облетел весь Кавказ—вдоль и поперек. От Черного моря до Мурманска знакомы мне все деревни, летал я и над озером Байкал, и через Среднюю Азию. Несколько раз пересекал Памир, хребты которого поднимаются выше туч. В тех местах Кара-Кумской пустыни, где никогда не ступал человек, был я — сын чувашского народа.

Пролетал я и над родной Чувашией. Приземлился около своей деревни. Школьные друзья, словно близкие родные, окружили меня. Я вылез из кабины самолета — передо мною широко расстилались те самые поля, по которым я ходил босиком, перекинув через плечо длинный кнут. Как изменились эти поля. Бескрайняя ровная нива без меж колыхается морем. Слышна песня девушек, работающих в поле... Здесь прошло, мое детство, здесь разговаривал я с коровами, смот-

ревшими на меня своими влажными большими глазами, наблюдал стремительный полет птиц... Бышел я из самолета, взглянул кругом, и что-то наполнило грудь мою. От воспоминаний о тяжелом детстве сироты, от мысли о том, как сказочно изменилась моя жизнь—на глаза навернулись слезы.

8 лет летаю я. Налетел более 500 тысяч километров. Не раз приходилось оставаться в воздухе по 17 часов. Умею летать на самолетах 6 различных конструкций. Это тот самый мальчик, который бродил по чувашским полям, мечтал обрести крылья, подобно птицам. Благодарю тебя родная страна, воплотившая мою мечту, взрастившая и воспитавшая меня!

Моим учителем и командиром был незабвенный Гастелло. Я работал вместе с ним. Когда командование дало ему другое назначение, он передал мне свой самолет. Перешло ко мне и командование отрядом. И сейчас я летаю на самолете Гастелло. Кто не знает Гастелло! Когда вспыхнула война, в июле 1941 года Гастелло вылетел бомбить танковую колонну врага. В бою снаряд противника попал в самолет, и самолет загорелся. Охваченный пламенем, Гастелло врезался в гущу вражеских танков. Сгорел сам, но вместе с собою сжег много вражеских танков и бензиновых цистерн.

Многие летчики, летавшие вместе с Гастелло, сейчас летают со мною. За Гастелло мы покля-

лись жестоко отомстить врагу, и мстим — ежедневно, ежечасно. Каждый подбитый вражеский самолет, каждая наша бомба, брошенная в расположение противника — это поминки о Гастелло.

Бессмертный образ Гастелло всегда с нами. В тяжелые мгновенья боевой страды он помогает нам. В темную ночь он светлой звездой освещает нам путь; устанет ли сердце — дает новые силы. Когда в трескучие зимние морозы начинают коченеть руки и ноги, когда от усталости закрываются глаза, когда смерть смотрит в лицо — мысль о героическом летчике согревает кровь, зажигает бесстрашием. И летишь дальше, ищешь логово врага.

Вечная слава и хвала великому герою Гастелло!

Я командир отряда тяжелых бомбардировщиков. 22 июня 1941 года я вылетел в бой за свою родину, за свой народ, за честь и свободу нашей страны. Гнусный подлый враг покусился на наше счастье, на все, что дорого и любимо нами. Не отдадим врагу нашего счастья! Грудью отстоим его! Так поклялись мы, я и мои товарищи.

Вот уже 16 месяцев, как я воюю с врагом. За это время не мало бед причинил я немцам, не мало гитлеровцев стер с лица земли. С каждым днем растет мой боевой счет.

Я с товарищами сжег 93 немецких самолета, вывел из строя более 60 танков и автомашин, уничтожил много складов, паровозов и эшелонов

с боеприпасами и бензином. Немало вражеских городов бомбил я. Железнодорожные мосты, батареи взлетали в воздух от моих бомб. 300 тонн взрывчатого вещества сбросил я на голову врага. И не считал я, сколько истребил немецких солдат и офицеров. Пожалуй, больше тысячи. В моем сердце неукротимая ненависть, к проклятым захватчикам, осквернившим советскую землю, стремящимся превратить нас в рабов!

142 боевых полета числятся за мною. Все эти полеты совершены ночью. Нелегкое это дело — летать ночью, подчас сотни километров, в непроглядной темноте, отыскивая место, где гнездится враг. Не всякий летчик может летать ночью. Ночной полет требует тщательной подготовки, большого умения, смелости и находчивости. Ночью и птица не летает, а вот мы, летчики, летаем.

Многое пришлось пережить. Несколько раз встречал я смерть лицом к лицу. Летишь — пушки и пулеметы обстреливают со всех сторон. Часто прожектора хватают самолет в клещи, пули или снаряды пролетают совсем близко или разрываются рядом. Но какие бы ни были трудности, как бы ни грозна была опасность, и как бы ни была близка смерть — задание я всегда выполнял.

Рассказать обо всем нет времени. Вот, после войны, поговорим подробно. А пока опишу несколько эпизодов.

Однажды я получил задание разбомбить вражеский аэродром. Ночью я вылетел на своем корабле. Когда я подлетал к аэродрому, меня взяли в клещи 9 прожекторов. Сильный свет резал глаза, мешал смотреть на приборы. Со всех сторон взлетали трассирующие пули, они искали меня. Вблизи, совсем рядом, разрывались снаряды, так что я не слышал: работают ли мои моторы. Но я не свернул со взятого курса; ведь прямо подо мною был вражеский аэродром. Мой экипаж бросает на землю бомбы, стреляет из пушек и пулеметов. Внизу возник сильный пожар—горели фашистские самолеты. Но вот снаряд угодил в один из моторов моего самолета — мотор заглох. В это же время я совсем близко услышал пронзительный свист—пули одна за другой взвизгнули у моих ног, пролетели около штурвала, продырявили мой реглан, но меня не задели. Самолет с поврежденным мотором стал накреняться. Я повернул обратно к своим, но долететь до аэродрома не удалось. Темной ночью осторожно приземлился я поврежденный воздушный корабль в расположении наших войск, в 8 километрах от линии фронта. За починкой самолета пришлось провести здесь более суток. Немцы заметили нас и начали обстреливать из пушек и минометов. Под вражеским огнем мы закончили ремонт и благополучно вернулись на свой аэродром. В ту ночь мы истребили 7 вражеских самолетов.

— Экипаж готов к очередному вылету. Великан-самолет осторожно выскользнул из леса на широкую площадку. Члены экипажа занимают свои места. Стрелки проверяют пулеметы; борт-радист приводит в порядок радио; борт-техники проверяют винты, моторы, осматривают люки, где размещены бомбы и мешки с листовками.

Сигнальная ракета. Тяжелая машина побежала по полю, отделившись от земли, поднялась над мелким кустарником и, набирая высоту, полетела на запад, через линию фронта—в тыл врага. Наше первое задание—уничтожить аэродром противника в пункте Р. Темно. Но к моменту нашего приближения к месту назначения должен взойти месяц, он нам поможет отыскать цель.

Молодой штурман Милостивенко направляет путь самолета. Это его сорок шестой ночной рейс, но он ни разу не сбивался с пути. Милостивенко внимательно следит за компасом и картой, учитывает время, скорость и высоту. Вот он постукивает по одному пункту на линейке курса, приговаривая по адресу фашистов.

—Ы-ых, гадины!

Линия фронта. Внизу, прорезывая темноту, вспыхивают яркие огни. Это наша артиллерия выполняет ночное задание: выбивает окопавшегося врага.

Слабый свет месяца не может пересилить темноту ноябрьской ночи.

— До цели осталось 9 минут,—сообщает штур-

ман. Враг догадывается о нашем приближении. Прожектор острым мечом прорезывает ночной мрак, сверкают красные и розовые молнии трассирующих пуль. Но ни прожектора, ни светящиеся пули не могут нащупать наш самолет. Под нами 1.000 метров и цель—аэродром на окраине города. Там — фашистские вороны, готовятся к налету на наши мирные города и села.

Милостивенко начинает бросать бомбы. Наши «тыквы» одна за другой летят вниз, машина слегка вздрагивает. На земле взлетает черная масса, вспыхивает огонь, и яркое пламя пожара поднимается к небосклону! Горят самолеты противника. Они освещают нам цель. Загорелось 6 самолетов.

Мы решили в эту ночь сделать четыре вылета. Ребята мои—молодцы, не знают усталости. Чем сильнее бьем немца, тем энергичнее становятся мои боевые друзья.

Мы возвращаемся на свой аэродром, наш самолет быстро готовят к следующему очередному вылету,—и мы опять летим. Таким образом мы за одну ночь бомбили 4 цели. Утром командование части получило сведения о нашей работе. За эту ночь мы истребили до 30 вражеских самолетов, сожгли ангары, привели в негодность посадочные площадки.

Неоднократно совершали мы за одну ночь по 3—4 боевых вылета. Однажды, после того, как до единого истребили мы немцев, готовившихся

переправиться через реку, я возвратился на свой аэродром. Но посадить самолет было невозможно: кругом, вблизи от аэродрома, кружились немецкие самолеты. Если я спущусь, то противник заметит меня, и нашим замаскированным самолетам придется туго: немцы смогут их обнаружить. Я решил улететь подальше от своего аэродрома и где-нибудь спуститься. Мрак осенней ночи сгустился быстро; темно, хоть глаз выколи. Кроме того, низко нависли тяжелые тучи. Я начинаю спускаться, земля быстро приближается, но никак не могу вывести из туч самолет. В такой момент, черт знает, на что можно напороться. Опять поднимаю самолет вверх. Что делать? В таком случае командир по инструкции имеет право приказать экипажу выброситься на парашютах, а сам последним оставить машину. Но как бросить машину, которую мне оставил Гастелло, машину, которая так верно служила мне в многочисленных воздушных битвах; как бросить на верную гибель этого боевого друга? Нет, я не могу это сделать! В это мгновение у меня родилась мысль.

— К прыжку готовься! — скомандовал я своим товарищам, — как приземлитесь, быстро отыщите подходящее место для посадки машины и обозначьте эту площадь кострами. — Товарищи меня быстро поняли. Они один за другим скользнули в темноту. Я сделал несколько кругов. Горючего оставалось только на считанные минуты. Вот

внизу показались огни. Я начал спускаться к ним. Около первого ярко горящего снопа колеса самолета коснулись земли и, не доходя метра три до второго горящего снопа, остановились.

Моторы перестали работать—в баке не осталось ни капли бензина. На площадь, куда может приземлиться только самолет «У-2», я благополучно посадил четырехмоторный воздушный корабль. В трех шагах от второго горящего снопа обрывом начинался глубокий овраг...

А вот и другой эпизод. На одном участке немцы для организации наступления сгруппировали много танков и машин. Мне дали задание уничтожить эшелон бензиновых цистерн, прибывших на станцию. Я подвесил бомбы и полетел бомбить цель. Враг встретил меня очень неприветливо. Но как бешено ни стреляли по моему самолету немцы, задание я выполнил — вражеский эшелон сгорел дотла: от моих бомб возникли такие пожары, что хотя я летел на предельной высоте, зарево их проникало в кабину, ярко освещая меня. До утра горела кровь немецких моторов, — 60 танков, лишенных горючего, были взяты нашей пехотой.

На одном из участков фронта против нас выставили испанских солдат, так называемую «Голубую дивизию». Измученных дневным переходом, испанцев разместили в одной деревне на отдых. Вот я и получил задание научить уморазуму этих гитлеровских друзей. Они нас совсем

не ожидали—оставшие, потонули в глубоком сне. Я полетел к их «будить», чтобы неповадно им было спать на советской земле. Долго я легал над деревней и поливал этих немецких прихвостней огнем из всех своих пулеметов. Для незваных гостей я не жалел свинцовых галтушек.

— Если голодны ваши желудки, жрите сволочи! В поисках чего притащились вы на нашу землю?

Одна за другой взрывались бомбы, вспыхивали пожары. Некоторые солдаты выбежали в нижнем белье. Обезумев от испуга, ринулись в сторону наших войск. Многие попали в плен. За это дело я получил благодарность командования. Наш генерал меня лично поблагодарил. Не знаю, но полагаю, что генерал «Голубой дивизии» не пожалел для меня испанских проклятий.

Вот еще эпизод. Декабрь 1941 года. Во временно захваченном городе Н. немецкие офицеры справляли рождество. По этому поводу они собрались на банкет во Дворец Культуры. Понятно — поесть и попить у них было вдоволь. Столы уставлены были награбленными яствами. Одного только не было у них русских «соленых огурцов». О немецком банкете нам донесли партизаны. К самолету я подвесил «огурцы» и полетел. Знакомый город! Быстро отыскал я нужный дом. И, сквозь железную крышу на рождественский стол офицеров посыпались «огурцы».

— Получайте «угощение» проклятые!

Ну, конечно, от здания ничего не осталось. По словам партизан, там находилось 132 немецких офицера, и никто из них не спасся. 132 гитлеровских изверга в последний раз отпраздновали рождество. Не пришлось им опохмеляться. Их похмелье ночью же было развеяно «русскими огурцами».

Однажды, зимою, я должен был бомбить вражеский аэродром. Полет продолжался 5 часов при 45-градусном морозе. Задание я выполнил — уничтожил 6 немецких самолетов. Но при этом обморозил себе руки, подошвы ног и лицо. Пять дней пролежал в постели: не мог ни ходить, ни двигать руками. В этот полет второй летчик отморозил правый глаз.

В другой раз при полете мой самолет обледенел и перестал слушаться. Отскакивавшие от пропеллера льдинки изранили мне все лицо. Все же я долетел до цели, отбомбился и благополучно вернулся на родной аэродром.

Много трудностей при полете, при сбрасывании бомб, но все же никогда я не возвращался с полпути, не завершив порученного мне дела.

Президиум Верховного Совета Чувашской АССР, Совнарком и Обком партии ВКП(б) прислали мне приветствие. Вот мой ответ на это приветствие: буду уничтожать гитлеровских мерзавцев, истреблять немецкие танки и самолеты. Буду бороться, пока бьется сердце в груди, бороться до последней капли крови, до последнего вздо-

ха. За свою родину, за свой народ, за свое счастье! Клянусь именем героя Гастелло — не придется краснеть за меня чувашскому народу. Еще мое слово таково: все, от малого до старого, работайте для фронта. Упорным, согласным трудом крепите силу Красной Армии, чтобы скорее уничтожить врага, чтоб после войны можно было с гордостью сказать, что Орденоносная Чувашия хорошо поработала.

Горячий привет тебе с фронта, родная чувашская земля!

Действующая Армия, 1942 г.

Цена 50 к.

Редактор *Л. В. Зане.*

Перевод с чувашского *М. Ухсай.*

НТ 245. Подписано к печати 4/X-43 г. Заказ № 406. Тир. 4000 экз.
Объем 0,5 п. л.

г. Чебоксары, тип. № 1. Упр. полиграфпромышл. при СНК ЧАССР